

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

«Странническая» жизнь художника слова

Е.А. ФРОЛОВА
Москва

(Лингвостилистический анализ повести
В.К. Арсеньева «Дерсу Узала»)

В статье проанализированы основные средства, помогающие автору повести «Дерсу Узала» показать свою *путеводную тропу* — описать экспедицию 1907 г. в Уссурийский край.

Ключевые слова: *мотив дороги; жанр путешествия; определения-эпитеты; цветопись; олицетворение; компаративы; фольклорные элементы.*

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

В. Арсеньев

В статье, посвященной памяти Н.М. Пржевальского, тонкий знаток человеческой души А.П. Чехов заметил: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющие в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу» [Сысоев 1988: 5–6]. Эти слова по праву можно отнести к Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву (1872–1930), посвятившему свою

жизнь изучению Уссурийского края. По словам самого писателя, его книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» «есть популярный обзор путешествия, предпринятого... в горную область Сихотэ-Алиня». Этот труд «заключает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник [Арсеньев].

Книга «Дерсу Узала» (1923) рассказывает об экспедиции 1907 г., когда писатель исследовал центральные районы Сихотэ-Алиня. Истинному путешественнику В.К. Арсеньеву даже сборы в путь доставляют удовольствие: «В этих сборах есть всегда много *прелести*»¹. С первых страниц книги автор сопоставляет *прошлую экспедицию* и *новое путешествие*, подчеркивая их взаимосвязь и взаимообусловленность:

Фролова Елена Александровна, кандидат филол. наук, доцент МПГУ.
E-mail: frofjen@yandex.ru

¹ Текст цит. по кн.: Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Романы. – Фрунзе, 1987.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была *такая же*, как и в 1906 году; В отряде остались *те же* собаки: Леший и Альпа; новое путешествие начинается от *того* места, где были закончены работы в прошлом году; Инструменты и приборы были *те же*, что и в прошлом году ...

Повторяющиеся указательные местоимения в сочетании с усилительно-выделительной частицей *же* актуализируют сему идентичности, устанавливают преемственность между путешествиями. Ту же функцию выполняют сравнительные обороты и придаточное определительное, которые, характеризуя пространственно-временную последовательность двух экспедиций, подчеркивают их неразрывную связь.

И все же новое путешествие отличается от предыдущего наличием опыта «капитана» экспедиции. Не случайно автор обращает внимание читателей на изменения, которые он сознательно вносит в оснащение предстоящего странствия. Как бы предупреждая будущих исследователей от возможных ошибок, Арсеньев не просто констатирует замену лошадей мулами, пут – канатами, медных чайников – алюминевыми котелками и т.п., но и, опираясь на собственный опыт, объясняет причины вносимых изменений, давая своеобразное напутствие потомкам:

Из опыта выяснилось, что пути – вещь мало пригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движения коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

Вообще текст произведения изобилует деталями и подробностями, которые, с одной стороны, отражают жанр дневниковых записей, а с другой – замедляют повествование, помогая читателям погрузиться в жизнь путешественников, оглядеться вокруг и увидеть мир странников своими глазами:

В нижней части долины *есть* много полян, засоренных камнями и непригодных для земледелия. Здесь часто *встречаются* горы и кое-где *есть* негустые лиственные леса. Чем выше подниматься по долине, тем

чаще *начинают* мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу *становятся* преобладающими. В верховьях Литяngoу *есть* одинокая зверовая фанза. От нее тропа *поворачивает* налево, в горы, и *идет* на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина *становится* узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Использование глагольных форм несовершенного вида настоящего времени в сочетании с фазовыми предикатами и глаголами-сказуемыми с семантикой бытия (существования) вводит читателя в происходящее, делая прошлое настоящим или вневременным, как бы «размывая» жанр путешествия. Замедлению повествования способствуют и синтаксические конструкции – предложения с обобщающим словом при пространных рядах однородных членов:

На всем протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются *следующие горные породы; известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.*

При этом автор нередко объединяет в описаниях собственно научную, терминологическую лексику (в том числе и на латинском языке) и средства художественной образности – цветовые и вкусовые определения-эпитеты:

Кроме растущих здесь в изобилии калины (*ViburnumsargentiKoehne*), орешника (*CorylusheterophuliaFisch.*) и леспедецы (*Lespede-rabicolorTurcz.*), мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-желтые цветы лапчатки (*PotentillafruticosaL.*), затем кустарниковую низкорослую рябину (*SorbussambucifoliaTr.*), дающую мелкие и почти безвкусные светло-красные плоды, а рядом с ней даурский можжевельник (*JuniperusdahuricaPall.*), стелющийся по земле и поднимающий кверху свои густые зеленые ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Метрические характеристики соседствуют в повести со старорусскими мерами величины. Так, описывая сибирскую козулю, Арсеньев отмечает, что «сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров», а рассказывая о сирени, обычно растущей в виде

кустарников, обращает внимание на то, что здесь она «имела вид дерева», и измеряет ее высоту в саженях, а обхват – в футах. Включая в текст повествования цифровые обозначения, свойственные научному стилю, писатель одновременно вводит в описание элементы, разрушающие характерную для данного функционального стиля точность:

Долина реки Литянгоу *какая-то* странная – *не то* поперечная, *не то* продольная. Местами она расширяется до 1 1/2 километра, местами суживается до 200 метров.

Неопределенное местоимение в сочетании с повторяющимся разделительным союзом *не то – не то* создает ощущение движения, непостоянства. Семантика неопределенности поддерживается лексическим значением имени прилагательного *странная*, а восприятие одушевленности местности усиливается за счет антонимичных пар *поперечная – продольная*, *расширяется – суживается*.

Одним из средств создания мотива дороги становится смена пейзажных зарисовок, которые сопровождают *путеводную тропу* героев повести:

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа вовсе не была приспособлена для передвижения с вьюками; От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников; По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец мы потеряли ее совсем.

Писатель рисует жизнь царства природы. Она неоднозначна и непостоянна, как и жизнь человека. Арсеньев наделяет мир флоры и фауны способностью переживать: «В природе чувствовалась *какая-то тоска*». Образные языковые средства передают картину застоя перед грядущим ненастьем: эпитеты, выражающие значение ‘отсутствие движения’ (*неподвижный воздух*), «*лужи стоячей воды*»), усилены глаголами и глагольными словосочетаниями с дополнительной семой ‘неподвижность’ («*все кругом притаилось, сделало передышку*»). Чувство тоски отягощается определениями с негативной се-

мантикой (*хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа*). Но вот одно движение – и природа преображается:

Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Используя прием олицетворения, Арсеньев противопоставляет «застывший воздух» могучему порыву ветра, который способен вызвать бурю в природе:

Листва закружилась в вихре; Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

С помощью сравнительных конструкций автор проводит аналогию земли и моря:

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. *Точно гигантские волны*, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами; Полосы дождя, *точно волны*, двигались по воздуху и проходили сквозь лес; Куда ни глянешь, всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, *словно морская зыбь*, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто растворялись во мгле.

Мир природы един и неразрывен. Не случайно герой повести принимает подземный гул за отдаленные раскаты грома, которые в итоге оказываются грохотом водопада. Цветопись помогает автору нарисовать красочные пейзажи:

Цвет воды в массе *изумрудный*. При ярком солнечном освещении *белая пена с зелено-вато-синим* цветом воды и с *красно-бурыми* скалами, по которым разрослись *пестрые* лишайники и *светло-зеленые* мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную.

Все в природе взаимосвязано: исчезновение лесов превращает горы в *безжизненную и безводную пустыню*. И вот уже яркие краски сменяются серым и тусклым однообразием: *серые утесы и серые осыпи*.

Арсеньев прибегает к контрасту при сопоставлении тьмы и света в природе.

Если туман и дождь порождают мрак, тоску и даже смерть («К вечеру погода не изменилась, земля по-прежнему, *слов-*

но саваном», была покрыта густым туманом»), то дневное и ночные светила приветливо смотрят на землю. Сема 'свет' актуализирована полупредикативным определением *сияющие*, выражающим значение действующего признака. Появление солнца обуславливает всеприродную радость, потому что оно *весь сильное*:

Природа *ликовала*: все живое *приветствовало* *всесильное солнце*, как бы сознавая, что только одно оно может прекратить ненастье.

Писатель выбирает одно явление природы, которое становится средством передачи не только состояния окружающей путешественников среды, но и их душевного настроения. Такую роль играет в повести туман. Он для писателя, как и для его проводника-гольда, живое существо, которое нередко определяет жизнь человека. Вот он, «словно грязная вата», спускается с гор в долины, поглощая все, с чем соприкасается, вот, «точно стеной», отделяет героя от остального мира, вот туман-«люди» «сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться».

Компаративы устанавливают соответствие между живой и неживой природой, показывая их единство. Например, река сопоставляется автором со зверем: «Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах».

Автор не только изображает мир природы Уссурийского края, но и раскрывает мир людей, населяющих его, их нравы и обычаи. Так, открыто негативное отношение путешественника к манзам обусловлено скрытностью их характеров и жестокостью к туземцам, за внешним гостеприимством этого народа скрывается неискренность и затаенная злоба. Показателями отношения к манзам являются использованные автором косвенные номинации-характеристики с негативной семантикой.

Автор сопоставляет мир природы и человека, тем самым сближая их:

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величину, другие – из камней с конскую голову, третьи – с голову человека.

Особенно ярко их связь раскрывается автором при описании медведя, добывающего мед. Дикое животное способно *кричать тоненьким голосом, вновь и вновь приниматься за работу, сидеть на земле по-человечески* и даже *соображать*. Не случайно Дерсу называет медведя *шибко хитрый люди*.

Мотив дороги неразрывно связан с главным героем повести – Дерсу Узалой. Он занимает ключевую позицию в системе образов и в развитии сюжета произведения, поскольку его имя вынесено в заглавие книги. Дерсу Узала – не только проводник в экспедиции. Он проводник для писателя-путешественника в мир природы, своеобразное связующее звено, которое помогает автору произведения постичь тайну Уссурийского края, увидеть его глазами аборигена, принять и начать работу по изучению неизведанной земли и сохранению ее богатств. С болью пишет Арсеньев о вымирании оленей в Аскольдском питомнике, перечисляет причины, приведшие к его гибели, и указывает пути возрождения:

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всем острове их насчитывается не более полтораста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, не годных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Смещение разностильной лексики – характерная черта данного отрывка, как и всего произведения в целом. Разговорно-художественное инверсионное начало текста (*Лет пятнадцать тому назад*) сменяется официально-деловым, отчетно-документальным разъяснением с элементами научной терминологии. Заключительная часть отрывка содержит публицистические выражения: *влита новая кровь*,

питомник на краю гибели. Перед читателем встает образ серьезного ученого, борца за сохранение естественных ресурсов Отечества – писателя-путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Мировосприятие автора и Дерсу одновременно близки и различны. Как исследователь не может «прочитать» следы, так Дерсу Узала не в состоянии понять, зачем платить за дрова, которых в лесу так много. Проводник-гольд видит больше других, потому что теснее его связь с миром природы: он вышел из нее и принадлежит ей. Жизненный опыт – внутреннее зрение человека. Не случайно поэтому потеря зрения Дерсу – своеобразный сигнал приближающегося конца его жизненного пути. «Как теперь моя дальше живи?» – задает герой себе вопрос, на который не находит ответа, потому что «для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения равносильно гибели». Этому способствует и отрыв Дерсу от естественной среды. Городские люди лишают его свободы движения, а значит, скывают и духовную свободу. Вот почему герою неуютно в уютном доме. Дерсу Узала способен одержать верх над тигром, но беспомощен перед злом человека.

Сопоставление Дерсу с другими персонажами повести всегда оказывается в пользу «лесного люди». Так, старовер, заявляя, что Дерсу – хороший человек, правдивый, тем не менее не допускает даже мысли о признании его равным себе, потому что он «нехристь», «азиат, в бога не верует», «у него и души-то нет, а пар». Но именно «нехристь» считает своим долгом «староверу помогай», потому что «у него детей много»:

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудом своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Идею равноправия писатель выражает с помощью контекстуального оксюморона – словосочетания *первобытный коммунизм*: Дерсу Узала объединяет в себе прошлое и будущее, в нем живет вселенская любовь, уходящая корнями к дале-

ким предкам и указывающая путь грядущим потомкам.

Вопрос «Как жить дальше?» рефреном звучит в произведении. Он составляющая мотива дороги, потому что ответ на него – путь не только конкретного человека, но и края в целом:

Жить становилось с каждым годом все труднее и труднее... Приморье быстро колонизировалось. Придет время, когда от первобытной, девственной тайги и следа не останется. Исчезнут и звери.

Дорога – это движение в оба конца: к прогрессу и одновременно к гибели первоначального естества. Смерть Дерсу Узала тому подтверждение. Тоска щемит сердце автора повести, потому что нет и следа от дорогой могилки – «Все кругом носило следы цивилизации».

Именно с образом гольда как одного из представителей аборигенов Уссурийского края и олицетворением народной мудрости связано введение в текст повествования фольклорных элементов – преданий, сказаний, народных примет, что обуславливает смещение временных пластов повести:

Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня – только один уголек, но нельзя воду лить в огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода.

Дерсу принадлежат наиболее яркие перифразы, характеризующую специфику речи персонажа. Например, забыв русское слово *желудь*, герой находит меткую и «живую» замену – *дуба сынок*. Использование в речи гольда императивов на месте нормативных глагольных форм – это не только стилизация под речь туземца. Для Дерсу Узала формы повелительного наклонения определяют смысл жизни-борьбы, звучат как внутренние призывы к движению вперед.

Народность языка повести поддерживается включением в текст фразеологизмов (*не было видно ни зги, чувствовал себя не в своей тарелке*) и авторских окказионализмов: *ручнеют, окарауливать* и т.п.

М. Горький признавался в письме к В.К. Арсеньеву: «Книгу Вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера, – это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем “Следопыт”, бо-

лее “художественная”. Искренне поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...»

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Романы. – Фрунзе, 1987.

Сысоев В. В.К. Арсеньев и герой его книги Дерсу Узала // Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Роман. – М., 1988.

Д.И. ВИНОГРАДОВА,
Н.А. СЕМЕНОВА

Москва

Сравнение как способ характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина»

(К 110-летию со дня рождения писателя)

Авторы анализируют сравнения как средство создания художественных образов в романе М.А. Шолохова.

Ключевые слова: *сравнение; движение сюжета; ситуативная характеристика; зоосравнения.*

Сравнение – наряду с гиперболой, олицетворением, метафорой – один из популярных приемов создания художественного образа. Большое место занимает этот прием и в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина». Не останавливаясь подробно на структуре сравнений в романе (здесь можно отметить и творительный сравнения (*стоишь молчком*), и фольклорные образы с постоянными эпитетами *словно зорька ясная*), и фразеологические обороты, и целые придаточные предложения), проанализируем характерологическую функцию этого тропического средства.

Виноградова Дарья Игоревна, аспирант МГУ им. М.А. Шолохова.

E-mail: ida81@yandex.ru

Семенова Надежда Александровна, кандидат филол. наук, доцент МГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: nad4364517@yandex.ru

Главный герой романа – Семен Давыдов, ленинградский слесарь, призванный в числе двадцатипяти тысячников на работу в деревню. Это не мятущийся герой типа Григория Мелехова, а человек, уверенный в правоте своего дела; неоднозначные образы для характеристики такого героя (не сомневающегося в главном, положительного, идущего вперед) не нужны. Цель М.А. Шолохова – показать не смутное брожение чувств Давыдова, а поступки, характер героя во время проведения коллективизации в Гремячем Логу.

Самые яркие сравнения, характеризующие Семена Давыдова, связаны с его рабочей профессией. Примеры таких сравнений есть и в авторской речи, и в речи персонажей:

Хутор был для него – как сложный мотор новой конструкции, и Давыдов внимательно и напряженно пытался познать его, изучить,